

30 октября

30 октября, в День памяти жертв политических репрессий на Аллее Доблести и Славы в городе Елизово состоялось торжественное открытие памятника елизовчанам, ставшим жертвами тоталитарного режима в 20-30-е годы прошлого столетия. Он был создан на основе закладного камня, установленного в 2012 году.

В церемонии открытия приняли участие Глава Елизовского муниципального района Андрей Шергальдин, глава администрации Елизовского городского поселения Дмитрий Щипицын, глава Елизовского городского поселения Елена Рябцева, представители районной правозащитной организации «Мемориал», дети и внуки репрессированных жителей района, а также неравнодушные елизовчане.

Новый памятник, который получил название «Камень совести», украшен скульптурной композицией из четырёх поднимающихся в небо журавлей, символизирующих чистоту и свободу духа людей, чьи жизни были искалечены или насильственно прерваны без суда и следствия. А для имён и фамилий 87 жителей Елизовского района, ставших жертвами тоталитарного режима, отведено место на табличках, которые окружают новый мемориал.

В советский период истории Камчатки репрессиям подверглись около 2 500 жителей региона. И участники митинга отметили, что память о тех страшных событиях должна сохраниться для потомков, чтобы ошибки прошлого никогда не повторились. Для того, чтобы память о репрессиях была сохранена, на открытии памятника была воплощена в жизнь идея Главы района Андрея Шергальдина о закладке капсулы, в которую были вложены копии имеющихся архивных документов и важная информация о трагических событиях, связанных с репрессиями на Камчатке. Памятная капсула, заложенная под основание мемориала, будет открыта через 20 лет.

О трагических событиях минувшей эпохи рассказывают их непосредственные очевидцы, представители правозащитной организации «Мемориал» Елизовского района – дети и внуки репрессированных камчатцев.

Леонард Антонович Дроздович:

– Мы жили в Ключах, там арестовывали многих, а кого не трогали – те боялись. Помню, я спросил у мамы, почему у наших соседей днём окна тряпками завешаны? Она ответила, что это из-за страха. В нашей семье от репрессий тоже многие пострадали: дедушку заживо утопили в бухте Бабия, а всю его семью вывезли на стройку Комсомольска-на-Амуре, лишив всего нажитого. Отца моего объявили врагом народа, за то, что он был одарённым человеком – писал стихи. Он работал в школе, а свои стихи читал коллеге – директору. Тот от зависти и написал донос на папу. В итоге – расстрельная 58-я статья УК СССР. Его отправили на Колыму в Магадан, где он сделал в доме начальника лагеря камин европейского качества. Это спасло отца от расстрела: статью поменяли на заключение, и 17 лет он пробыл на Колыме. Нам, детям врагов народа, приходилось несладко: в школе обижали, в пионеры не принимали... Зато в возрасте 7 лет меня водили на радиоузел, где я пел песни о Сталине мудром. В 1961 году я хотел поступить в лётное авиационное военное училище, но меня не приняли из-за того, что я не был реабилитирован. А реабилитировали меня в 1993 году: прокурор области пожал мне руку и попросил прощения за то, что пришлось пережить.

Анатолий Петрович Бабошко:

– Я родился в 1941 году, за 20 дней до начала Великой Отечественной войны. Был совсем один, не понимал, кто я и откуда... Жил в разных семьях, где было много других детей. Голодал, собирал с помоек мороженую картошку, которую запекал в костре. Узнать о том, откуда я взялся, удалось в возрасте трёх лет: оказалось, что родился я в местах не столь отдалённых, на северном Урале, где отбывали сроки мои репрессированные родители. В 1944 году друзья родителей украли меня из очередного чужого дома и перевезли в молодой город Березняки на берегу Камы. Родителей я узнал, когда закончилась война. Они рассказали, почему меня отобрали. Началась другая жизнь, но я нередко чувствовал, что окружающие относятся ко мне холодно, детей репрессированных ненавидели, родители одноклассников запрещали с нами дружить, говорили, что мы плохие... Всё изменилось после реабилитации, жизнь вошла в обычное русло. Сегодня я – военный пенсионер, но до сих пор помню, как мне, маленькому мальчишке, хотелось каждого дядьку назвать папой...

Людмила Петровна Бабошко:

– Всё скрывалось, всё умалчивалось. Тема репрессий в семье была запретной тайной за семью замками. Только уже взрослой я узнала, что моего дедушку «раскулачили» и посадили в тюрьму. Тогда семья жила в Кунгуре, в селе, где излишним богатством считалось даже своё хозяйство: не лентяй и не бездельник, есть корова и огород,

значит, зажиточный. Дед не дожил до освобождения 2 дня... Его дочь (моя мама) сбежала от репрессий в строящийся город Березняки, где вышла замуж. Мама всегда пресекала любые мои попытки узнать о репрессиях. О судьбах заключённых мне рассказала незнакомая бабушка: когда замерзала горная река Вишера, что была на пути к ГУЛАГу, в лютый мороз полураздетые репрессированные руками выкапывали во льду и снегу себе землянки, чтобы там перезимовать. А потом, когда я вышла замуж за Анатолия Петровича Бабошко, и в их семью пришли бумаги о невинности и реабилитации, я первый и последний раз видела, как его отец, мой свёкор, плакал навзрыд. Все лишения, оскорбления, унижения – всё это было несправедливой неисправимой ошибкой.

Анна Митрофановна Яряя:

– Родилась я на Камчатке в селе Облуковино в Соболевском районе. Оттуда в 1931 году и забрали моего отца, двух его братьев и ещё практически половину мужчин со всего села. Потом их реабилитировали, а уже в 1938 году одного брата отца снова забрали и расстреляли, а второго утопили. Отца снова арестовали в 1940 году, забрали дом и всё имущество, а освободили через год, зимой, когда уже началась война, вместе с десятью односельчанами. Добираться до дома из Петропавловска сказали своим ходом... Им почти 500 км пришлось идти домой на лыжах. В 1949 году отец умер: за время заключения было сильно подорвано здоровье, его часто мучали головные боли.

В селе нашем жили практически одни камчадалы, все были дружны, и нас, детей репрессированных, не обижали. Делились едой, помогали, косо не смотрели. Все знали, что эта беда может случиться с каждым. Но разговаривать об этом было нельзя: все тяготы семья переносила молча... До реабилитации родители не дожили.

Галина Ивановна Спешнева (Дикова):

– Я родилась в 1935 году, и больше знаю о репрессиях со слов мамы. Папа приехал на Камчатку молодым учителем, участвовал в строительстве школ, потом работал педагогом, учил детей камчадалов, эвенков, коряков. Сначала забрали его, а потом и беременную маму, но её быстро освободили. Нас, детей, взяла на воспитание и попечение бабушка, у которой и самой арестовали трёх сыновей. Ей открыто сказали, что нас – щенков – нужно убрать из дома. Выхода не было, и бабушка увезла нас жить в лес, где рыбаки построили для нас шалаш. Особенно тяжело приходилось зимой: мы

голодали, в лютые морозы нечем и негде было согреться. Бабушка эта, которую мы стали звать мамочкой, каждую ночь ходила в посёлок, просила дать нам что-нибудь покушать. Но практически каждый раз она приводила только новых детей врагов народа, которым не было места среди незаклеймённых людей. А когда нам всё-таки разрешили вернуться в посёлок, жили мы очень бедно, как изгои, в бане возле речки. Ели одну рыбу и черемшу, а окружающие обзывали нас, били и унижали. Да и в школе сказали: «нечего вам тут делать, вас, детей врагов народа, надо давить, как тараканов, а не учить». В 12 лет я пошла работать в колхоз: коров доила, поила телят. За работу получала не деньги, а трудодни, которые передавала для того, чтобы мог учиться в школе-интернате младший братик. Я всего добивалась сама, всегда трудилась от зари до зари. Воспитала двух дочерей, которые стали учителями, и всегда всем помогаю, потому что знаю, каково это – быть беззащитным изгнанником. Нужно с сердечностью относиться к людям, всегда подавать руку помощи тому, кто в ней нуждается.

Галина Кондратьевна Осадчая:

– Я внучка репрессированных родственников по маминой линии (Спешневых). Мама рассказывала, что когда её родителей репрессировали, всё имущество конфисковали: большой дом и личное подсобное хозяйство в Соболево. Жить было негде, и семью принял совершенно незнакомый человек, китаец по национальности. А все те люди, которым наша семья помогала на протяжении многих лет, отвернулись от названных врагов народа. Более того, они сами громили наше семейное гнездо, разрушали всё, что было создано ценой долгих лет труда, рвали подушки, били посуду. Мама не смогла забыть этого предательства, и ушла с обидой на тех людей.

Старшего брата мамы расстреляли, а второй репрессированный брат пропал без вести. Мы до сих пор не знаем, что с ним стало... Но не теряем надежды узнать правду и верим, что он мог выжить. Моя старшая сестра была инженером-химиком на исследовательских судах. В трёх рейсах её не выпускали на берег в Канаде по распоряжению КГБ. Когда она спросила о причине, ей ответили, что, скорее всего, у неё есть родственники в этой стране. И все три раза она видела на берегу очень пожилого человека в сопровождении мужчины. Они каждый раз приходили к причалу, когда наше исследовательское судно заходило в порт. И пожилой мужчина вставал на колени и протягивал руки к кораблю. Потом нам сказали, что это, возможно и есть наш пропавший родственник.

Александра Фёдоровна (Сун Ок) Цай:

– Хочу рассказать о всём нашем корейском народе, проживающем на территории СССР, который был репрессирован по национальному признаку. В 1937 году всех корейцев, в том числе нашу семью, в один день загнали в товарный поезд и отправили в Среднюю Азию. Обе мои бабушки, которых выдворили из Хабаровского края, часто вспоминали тот поезд: длинный-длинный, битком набитый людьми. Как они рассказывали: «Днём едем – все на виду, а после ночи просыпаемся – тот умер, и этот умер». В основном дальний путь не смогли выдержать старые и малые: периодически поезд останавливали, чтобы снять с состава тела погибших.

Приехали мы в Узбекистан «в никуда»: нас никто не ждал, нам не предоставили никакой помощи. Было это в декабре: осенью прошёл сбор урожая, на котором корейцы должны были сдать план, а потом уехать, так решили поступить власти, потому что это было им выгодно. Мы оказались без крова на улице в суровое время года, люди копали себе землянки, чтобы хоть как-то выжить. Покинуть территорию, где нас оставили, было запрещено, всё было очень строго. Мама вспоминала, что было дико страшно: у нас не было ничего, мы попали в неизвестную страну, с незнакомым языком, обычаями, устоями. Много людей умерло там от голода, холода и болезней. Но Господь не оставил наш народ, и нам удалось выжить в тех непростых условиях. Это было страшное время, испытание, которое пришлось пережить многим гражданам СССР.

Зинаида Павловна Заева:

– Мамы не стало в 1954 году, а отец умер в 1957 году, после чего я оказалась в паратунском детском доме. Больше я о родителях ничего не знаю... Даже дат их рождения: всё скрывалось, людей буквально стирали с лица земли, предавая забвению всю информацию об их жизни. В 1965 году я (первая из камчадалов) окончила Уссурийское культпросветучилище, после чего меня отправили работать в Тигильский район. Там я познакомилась с другими Заевыми, как оказалось, моими родственниками. Репрессии не дали мне узнать, что такое материнское тепло. Я не помню родителей и ничего про них не знаю, это очень больно.

Людмила Владимировна Кравцова (Кирсанкина)

– Я – внучка репрессированного Георгия Добровольского. Семья у деда была

большая, жили в Усть-Камчатске. В одну ночь из села вывезли восьмерых мужчин: трудяг, охотников, рыбаков. У семей всё конфисковали: забрали землю, из домов выселили в баню. Жили в очень плохих условиях, выживали. Я очень хорошо помню, как относились к потомкам репрессированных: даже в магазине мы всегда стояли в конце очереди, нам говорили, что у прилавков родне врагов народа делать нечего.

Тем не менее, мама получила хорошее педагогическое образование и её пригласили работать учителем в школу Усть-Камчатска, где она проработала более 50 лет. Мама всегда помнила о репрессиях, чтит память невинно осуждённых людей.

А я очень хорошо помню, как мы получили документы на реабилитацию. Там было написано: «Вернуть дом, вернуть ружьё и собачьи упряжки». Езда на упряжках была важной частью жизни, и дедушка часто ездил на собаках в Петропавловск. Именем деда даже были названы перевал и родник (ключ Добровольского).

Виктория Владимировна Добронравова, сестра Людмилы Кравцовой, руководитель районной правозащитной организации «Мемориал»:

– Мы – патриоты своей Родины, но горькая правда о том времени должна быть известна людям. Для нас память о невинных жертвах, которым пришлось вытерпеть много бед и лишений, – важнейшее дело. Нам хочется, чтобы наши дети, внуки и правнуки знали историю своего государства, любили свою Родину, сохранили важнейшие духовные ценности, и никогда никому не позволили переписывать историю своего Отечества.

Я сама из семьи репрессированных и занимаюсь общественной деятельностью в этом направлении с 1961 года. В советский период истории нашего полуострова репрессиям подверглись около 2 500 жителей Камчатки. Сегодня их имена включены в камчатскую «Книгу памяти» жертв политических репрессий. За плечами этих людей тяжелейший путь. В 1930-х годах было сфабриковано дело о заговоре на полуострове. Тогда по сёлам прошёл пароход, который собрал много людей, в основном мужчин. Их привезли в Петропавловск, а летом 1930 года в бухте Бабия была потоплена баржа, на которой находились связанные, ни в чём не повинные люди. Они и стали первыми жертвами репрессий на Камчатке. Все мы должны знать об этом.

«Камень совести» установлен в городе Елизово

Автор: Administrator
02.11.2016 12:07 -

Очень большую помощь в этом важном деле оказывают власти Елизовского района, Администрация и Дума. Для того, чтобы увековечить память о наших репрессированных земляках, в городе Елизово был установлен памятный камень. Большую помощь нам оказал Глава района. С Андреем Андреевичем Шергальдиным мы познакомились в церкви, когда он ещё не был ни депутатом, ни Главой района. Разговорились, и я рассказала ему о своей работе по правовой защите репрессированных на Камчатке. Он проникся этой темой и с того времени поддерживал нашу организацию, помогая не только словом, но и делом. Камень для установки его на Аллее Доблести и Славы в качестве обещания будущего памятника жертвам политических репрессий мы начали искать в 2011 году. Поиски подходящего валуна проходили по всему району, а в итоге завершились возле детской поликлиники в самом центре города. Тем же вечером мы с Главой района погрузили и привезли камень на нынешнее место. А теперь он стал полноценным памятником...

Евгения Медведева

«Камень совести» установлен в городе Елизово

Автор: Administrator
02.11.2016 12:07 -

«Камень совести» установлен в городе Елизово

Автор: Administrator
02.11.2016 12:07 -

«Камень совести» установлен в городе Елизово

Автор: Administrator
02.11.2016 12:07 -

«Камень совести» установлен в городе Елизово

Автор: Administrator
02.11.2016 12:07 -

«Камень совести» установлен в городе Елизово

Автор: Administrator
02.11.2016 12:07 -

«Камень совести» установлен в городе Елизово

Автор: Administrator
02.11.2016 12:07 -

«Камень совести» установлен в городе Елизово

Автор: Administrator
02.11.2016 12:07 -

«Камень совести» установлен в городе Елизово

Автор: Administrator
02.11.2016 12:07 -

«Камень совести» установлен в городе Елизово

Автор: Administrator
02.11.2016 12:07 -

